

Елизавета
Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА.
ВОЯКИ КАРЯЧУНЯ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)
Д24

Дворецкая, Е.

Д24 Княгиня Ольга. Волки Карачуна/ Е. Дворецкая. —
М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. —
504 с. — (Миры Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-521-90729-8

Князь смолян прячет от женихов свою дочь Ведому и строит хитрые замыслы, надеясь при помощи ее брака обрести союзника для борьбы с Киевом. Но в Купальскую ночь Ведомая внезапно исчезает. Киевский князь Ингвар собирается свататься к Ведоме, надеясь завладеть землями ее отца. Не собираясь уступать свое место другой, княгиня Эльга отправляется с мужем и дружиной в поход. Но увидеть свою загадочную соперницу она сможет, лишь побывав в глуши зимней чащи, в кругу лесных побратимов — волков Карачуна.

BIC FM
BISAC FIC009000

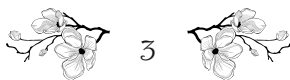
© Елизавета Дворецкая, текст, 2021
© Софья Потоцкая, обложка, 2021
© RUGRAM, 2022
ISBN 978-5-521-90729-8 © Т8 Издательские технологии, 2022

Часть первая

Ладога, 1-й год по смерти Хакона Богатого Родней

Как и многие судьбоносные события, это началось со столба дыма над Дивинцом. Дозорные давали знать, что с моря идет обоз. Этой вести Ингвар сын Хакона ждал давно и с нетерпением. Обычно он принимал гостей у себя в гриде, в крепости, но этот случай был особенным. Поэтому вскоре Ингвар, одетый в новый синий кафтан с синей же шелковой отделкой, уже стоял на причале возле устья Ладожки и вглядывался в близкую оконечность мыса, за которой расстился Волхов. Вот-вот оттуда покажутся первые корабли, которые он уже видел со стены. На одном из них едет его судьба. Еще немного — и он увидит свою будущую жену и новую хозяйку вика Альдейгя.

Один раз они уже встречались. Семь лет назад Ингвар, тогда тринадцатилетний отрок, ездил с отцом за Варяжское море, в Уппсалу. Последние девять лет державой свеев правил глубокий старик Олав конунг, с которым ладожский воевода Хакон состоял в отдаленном родстве — таком дальнем, что его можно было подкрепить заново. Старшей из незамужних внучек дряхлого Олава в то время была Фрейлауг, девочка восьми лет. Когда Хакон намекнул хозяину, что был бы рад найти в его семье жену для сына, тот расхохотался, глядя на рослого нескладного подростка:

— Ну, куда ему жениться, он ведь... слишком стар для нашей Фрей!

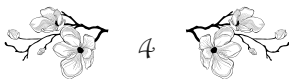
— Пока невеста подрастет, я, глядишь, и помолодею! — не растерялся жених.

— Ну, а пока не помолодеешь, я буду звать тебя Альдин-Ингвар — Ингвар Старый! — прокричал Олав конунг. — Приезжай опять лет через семь-восемь, я погляжу: если будешь уже достаточно молод, может, и выдам за тебя мою внучку.

Так за Ингваром сын Хакона и закрепилось прозвище Старый. Под ним его знали по всему Восточному пути, от Свеаланда до Греческого царства, что позволяло не путать его с другим Ингваром, киевским князем. Прошлым летом он уже мог бы воспользоваться приглашением Олава, но как раз в это время умер его отец. Альдин-Ингвар был провозглашен в Ладоге «великим боярином», и в этом качестве у него нашлось множество дел. Ему предстояло подтвердить свою власть над областями, откуда ладожане брали дань, подкрепить прежние договора со всеми князьями и конунгами, чьи владения простирались к югу от Ладоги: до Константинополя за Греческим морем и до Страны Рубашек за морем Хазарским.

К родству с конунгами свеев Ингвар стремился не только ради чести, но и для выгоды: в Северные Страны из Руси везли множество товаров от самого Царьграда, за сарацинское серебро множество вождей с Восточного Пути нанимали норманнские дружины. Этот путь Ингвар проделывал и сам: еще отроком он участвовал в походе своего дяди и тезки, Ингвара киевского, в его втором походе на Царьград, закончившийся в Болгарии, а потом побывал и в Царьграде, вместе с посольством от всех русских земель. В свои двадцать лет он был уважаем среди варяжских вождей не менее тех, кто старше.

Вот только ездить за невестой самому ему теперь было и некогда, и не по званью. Поэтому еще летом, когда уходили последние корабли, он отправил в Уппсалу своего старого воспитателя, Тормода Гнездо, во главе целого посольства: рассказать

Олаву новости и предложить отпустить внучку к будущему мужу.

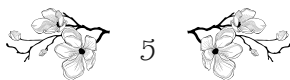
Миновала зима, ушел в Нево-озеро последний лед с Волхова, берега покрылись зеленью, и даже старый Ингваров курган — словене называли его Дивинец — выглядел помолодевшим. Каждый раз, выйдя за чем-нибудь из дома, Альдин-Ингвар поглядывал в ту сторону: не видно ли дыма над вершиной? В свободное время он выходил на стену крепости и смотрел на север — туда, где высокие курганы на ближнем берегу сторожили последний отрезок реки перед поселением. Улыбался, представляя, как будет показывать молодой жене ее новые владения.

Узнает ли она его? Со дня обручения Альдин-Ингвар заметно «помолодел». Прежнего подростка сменил мужчина значительно выше среднего роста, плотного сложения, с высоким, хотя довольно узким лбом, из-за чего щеки казались округлыми. При светлых волосах брови у него были черные и борода гораздо темнее волос. Довольно правильные, не считая чуть вздернутого носа, черты лица производили приятное впечатление. Держался он приветливо, как человек спокойный, уверенный и дружелюбный, и был равно вежлив со всеми: как с придворными царыградского василевса, так и с ладожскими рыбаками.

Однако в тот день, когда посланцы вернулись, молодому боярину потребовалось все его мужество. Вот корабли миновали короткий отрезок Ладжки между устьем и причалом. Альдин-Ингвар обшарил взглядом корабль Тормода, потом два следующих, но не нашел ни одной женской фигуры. А ведь с невестой должен прибыть десяток служанок, ее должны сопровождать люди отца...

— Прости, вместо невесты я привез тебе плохие новости! — поздоровавшись, развел руками Тормод Гнездо. — В этом деле нам не было удачи — эту девушку призвала на службу богиня Гевьюн.

— Ты хочешь сказать... — Альдин-Ингвар нахмурился.

— У них в Бьёрко зимой ходила горячка, многие люди болели. Умер сам старый Олав и несколько его родичей. И наша девушка тоже.

Альдин-Ингвар помолчал, пытаясь осмыслить эту новость. Ощущение было такое, будто он раскатился на санях с горы и со всего размаху врезался в невидимую стену. Все его ожидания и мечты враз стали ненужными. Развеялись, как дым. Не стало будущего, которого он ожидал целых восемь лет, и показалось, что и сами эти восемь лет были сном. Обещанная ему награда и судьба, к которой он стремил все помыслы, просто... исчезла. Ее больше нет, и некого винить, кроме Судениц.

— А из наших людей... — С трудом собираясь с мыслями, Ингвар все же вспомнил, какой вопрос нужно задать.

— Нам пришлось похоронить там Глядоту, Большу и Фастульва. Ну да ничего! Там уже много наших. — По многолетней привычке Тормод называл «нашими» словенских купцов, иным из которых случалось умирать в поездках за Варяжское море. — Нам дали для них хорошее местечко. Там же где, помнишь, Гороша Изрядович...

Альдин-Ингвар бездумно кивнул. Сердце заливала боль потери — как холодная вода. Он совсем не знал ее, Фрейлауг, дочь Энунда, внучку Олава, но хорошо знал тот образ, который вырастил за эти восемь лет в своем сердце. И теперь ощущал такую же боль, как если бы потерял и впрямь близкого человека.

— Я привез тебе другого хорошего гостя, — Тормод сделал знак кому-то на корабле.

По сходням к ним приблизился мужчина средних лет, темноволосый, с прямым носом, вытянутым вперед, будто клюв. По виду незнакомец был человеком как решительным, так и учтивым. Синий кафтан с серебряной тесьмой на груди, зеленый плащ, отделанный широкой полосой цветного узорного шелка, золоченая застежка, настоящий рейнский меч на перевязи — весь его облик говорил о знатном происхождении и богатстве.

— Это Биргир ярл, сын Эйлива, доверенный человек нового конунга, Бьёрна сына Олава.

Гость поклонился:

— Понимаю, Ингвар, что не могу заменить тебе того, кого ты ждал. Но все же надеюсь, наши встречи пройдут не без пользы.

— Уверен, что ты прав, — пробормотал Альдин-Ингвар, однако потом сделал усилие и взял себя в руки. — Рад приветствовать здесь посланца Бьёрна конунга. Сколько с тобой людей? В чем имеете нужду?

Через день ладожские старейшины — словене, русины, чудины, — были званы на пир в честь возвращения посольства. Уже все знали, что свадьбы не будет, и голоса звучали приглушенно.

Выяснилось, что среди потомства старого Олава за эти годы родились еще две дочери, но старшей из них сейчас было всего пять лет.

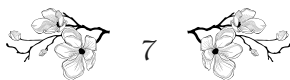
— Конунг поручил мне передать, что если ты пожелаешь, он отдаст тебе любую из этих юных дев, — рассказывал Биргир ярл. — Но и не будет в обиде, если ты сочтешь еще одно десятилетнее ожидание чрезмерным.

— Без княгини нам нельзя еще десять лет, — заговорили старейшины.

Два поколения назад ладожская ветвь потомков Харальда Боезуба утратила звание конунгов и с тех пор считалась подчиненной владыкам Хольмгарда. Однако между собой ладожане до сих пор называли своих «великих бояр» князьями — и по привычке, и ради самоуважения.

— И также конунги передали тебе некий совет, если будет у тебя желание его выслушать, — продолжал Биргир.

Он говорил на северном языке, но в Ладоге его кое-как понимали не только мальчишки, но и собаки на пристани, а уж старейшины свободно общались на нем, как на родном. Многие и сами вели род от варяжских гостей, за последние два века часто оседавших здесь и женившихся на словенках или чудинках.

— С удовольствием выслушаю, — учтиво кивнул Альдин-Ингвар.

— У тебя есть возможность подыскать невесту не менее знатную и тоже в родстве с нашими конунгами, причем не так далеко. Тебе известно, что родич Олава, Сверкер конунг, правит южнее твоих земель, на реке Днепр, в городе под названием Сюрнес¹. У него, как говорят, несколько жен и есть дочери.

— Я знаю Сверкера конунга, хотя не видел его дочерей, — подтвердил Альдин-Ингвар. — Он не показывал их мне, а я не спрашивал, поскольку у меня же есть... была невеста. Но теперь, пожалуй, этот совет придется ко времени.

— Так ты все же сможешь породниться с нашими конунгами, а заодно и со Сверкером, — добавил довольный Биргир. — Я поеду отсюда к нему, и если ты пожелаешь, переговорю с ним об этом деле.

— Еще будет время об этом подумать. У тебя ведь есть и другие поручения к Сверкеру конунгу, надо полагать?

На это Биргир ответил лишь многозначительным взглядом и улыбкой: дескать, позже.

Все привезенные свеями товары сложили в клетки при гостинном дворе, и лишь два тюка, по виду тяжелых, взяли в дом. Тюки были обернуты в промасленную кожу и крепко перевязаны. Через день после пира Биргер пригласил Альдин-Ингвара к себе и упомянул, что привез франкские мечи: не хочет ли ярл взглянуть? Разумеется, ярл хотел — как женщина не откажется взглянуть на сирийские бусы или греческие шелка, даже если не собирается ничего покупать. Тюк развязали, и на свет явились десяток клинков длиной почти в пару локтей: с коротким череном вместо рукояти, пока без гарды и ножен.

¹ Сюрнес («свиной мыс») — предположительное скандинавское название Гнездовского городища, предшественника Смоленска. Расположен при впадении в Днепр ручья Свинка (иначе Свинеп), поэтому его древнеславянское название могло звучать как Свинческ. (*Прим. авт.*)

— Это заказ Сверкера конунга. Он пожелал приобрести мечи для своей дружины, и у него есть хорошие мастера, чтобы сделать полный набор¹. В уплату он посылал соболей меха, что возят с Волжского пути.

Альдин-Ингвар понимающе кивнул: какие-либо другие товары, кроме соболей, равные этому тюку по стоимости, потянули бы на целый обоз. А тех соболей он помнил, поскольку получал десятую часть при перегрузке — как и любой владелец отрезка торгового пути. Теперь из этих двадцати клинков два причитались ему, и это был такой подарок судьбы, что даже тоска потери отступила.

Прихватив через льняной рупник, он взял клинок и повернулся к оконцу. Клинки еще не были заточены, но понимающие люди знают, что прикосновение пальцев вредит хорошей стали. Ниже будущей рукояти четко виднелись буквы, составлявшие надпись «Ulfberht», со знаками креста в начале и в конце.

— Похоже, что настоящие? — Альдин-Ингвар улыбнулся Биргиру.

— Надеюсь, что так. Хотя ты прав: в последнее время развелось много подделок.

— У нас тут Свеньша с Рановидом такой же скуют: сам Ульфберт не отличит.

— Мастер Ульфберт давно умер. Наверное, теперь кует мечи для дружины Одина... хотя нет, он же был христианином. У нас есть верный человек, который может достать такие вещи. Ты знаешь, наверное, что короли франков запрещают продавать их язычникам?

— А ваш верный человек, как я догадываюсь, христианин?

Биргир снова улыбнулся:

— В торговых делах Кристус полезен. Поэтому непобедим тот конунг, у которого торговые люди — христиане, а дружина

¹ Набор — гарда, рукоять. Они часто делались для привозных клинков местными мастерами, знавшими вкусы заказчика. (*Прим.авт.*)

почитает Одина. Такой не пропадет и в мирное время, и в военное.

— А я где-то слышал, что Крестус прогонял торговцев подалее от храмов. Выходит, с тех пор он переменял свое мнение и стал покровителем торговли?

Они посмеялись. Потом Биргир пристально взглянул на Альдин-Ингвара:

— Так могу я надеяться, что повезу в Сюрнес и твоё поручение? Ну, что мы говорили насчет сватовства? Видишь ли, я хочу вернуться домой ещё этим летом, поэтому не могу медлить...

Альдин-Ингвар ответил не сразу. Он молчал, но думал об этом все те дни, что Биргир провел в Ладоге. Не раз ему хотелось спросить у гостя, знает ли тот что-нибудь о дочерях Сверкера — взрослые ли они, от каких матерей, что о них говорят? — но останавливал себя. Это будет пустое любопытство: ведь Биргир, впервые приехавший на Восточный путь, едва ли может знать о делах смолян больше, чем сам Альдин-Ингвар.

Область смолян — малого племени в составе союза кривичей — была известна северным людям уже лет сто, а то и больше. Предки Сверкера когда-то пришли туда с дружиной и заняли место воевод. Во всех крупных торжищах, тяготеющих к берегам Варяжского моря, сидел воевода с дружиной, связанный договором с местными жителями. Он охранял торговые пути от разбоя, не допускал никакого кровопролития и свар на торгу. В Свинческе, как в Бьёрко, Хейтабе, Дорестаде, Рёрике, Рибе и других местах, имелись «воинские палаты» — длинный дом, где жил вождь и при нем человек сорок-пятьдесят хирдманов.

Но воевода Олав, а потом и сын его Сверкер располагали чем-то большим, нежели просто дружина в сорок копий. Они обладали прочными связями с Бьёрко, а через него и с Хейтабой в Ютландии. При их посредничестве старейшины смолян, в том числе и сам князь Ведомил, легко находили надежных покупателей на свои меха, мед, воск, льняную пряжу и ткань. А также и продавцов приятных вещей, на которые